

A romantic couple is shown in a close embrace. The woman, with long, flowing silver hair, wears a vibrant red velvet dress and black high heels. The man, with a dark beard and hair, wears a black shirt. They are standing in a room decorated for Christmas, with a large, ornate tree in the background adorned with gold and red ornaments and lights. Red ribbons and confetti are scattered around them. In the foreground, several wrapped gifts are visible on a wooden floor.

Юлианна
Винсент

РАЗВОД
Я НЕ ТВОЙ ПОДАРОК,
ДРАКОН!

Юлианна Винсент

**РАЗВОД. Я (не)твой
подарок, дракон!**

«Автор»

2026

Винсент Ю.

РАЗВОД. Я (не)твой подарок, дракон! / Ю. Винсент — «Автор»,
2026

— Мне нужна спокойная женщина! — процедил сквозь зубы мой Коля. А где-то в другом мире:— Я устал от твоего бесконечного занудства, женщина! — сквозь те же самые зубы процедил некий Рикард. Да, вы что, все сговорились что ли? Как все-таки тяжело быть женщиной в любом из миров! — подумала Ворошилова Галина Петровна, очнувшись в теле невзрачной жены дракона. Тут не так, там не то. И все время какие-то властные мужики требуют соответствия их дурацким ожиданиям. Но поверьте, соответствие чужим ожиданиям — это последнее, чем будет заниматься бабуля советского производства, если у нее вдруг случайно появился второй шанс. Ты устал от занудства, милый? Не переживай, веселую жизнь я тебе обеспечу! В книге есть: попаданка-бабуля с шилом в одном месте; властный дракон, который все свои триста лет жил неправильно; мелкие пакости и большие проблемы; ожидания, которые никогда не оправдаются. ХЭ в подарок))

© Винсент Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2. Где-то на границе с Вальдхеймом	7
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	15
Глава 6.	17
Глава 7.	20
Глава 8.	23
Глава 9.	27
Глава 10.	30
Глава 11.	33
Г	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлианна Винсент

РАЗВОД. Я (не)твой подарок, дракон!

Глава 1.

Все случилось потому, что я проснулась в 6:04 от того, что входная дверь хлопнула громче обычного. Встала, вышла на кухню, а там записка:

— Галя! Мне это надоело! Я уйду от тебя! — прочитала я вслух, наспех написанные слова, и наклонилась, чтобы поднять ключок бумаги, оторвавшийся, видимо, вместе с запиской. — Совсем умом тронулся, старый дурак!

А дальше все, как в тумане.

Время еще только 8:27 утра, четверг, а я уже зачем-то помыла пол во всей своей огромной трехкомнатной квартире, перебрала старые вещи, решив выкинуть большую часть из них к чертовой матери, потому что больше мне не нужно будет соответствовать “образу нормальной бабушки”, еще было желание сходить в поликлинику и поругаться там в какой-нибудь очереди на кровь, но я себя мужественно остановила, потому мне туда даже не надо было.

А что вы знаете о старческом СДВГ?

Но сейчас не об этом.

Мой драгоценный муженек, мой Коленька решил, что хочет покоя. Покоя с женщиной, у которой нет шила в попе. Представляете?

Интересно мне знать, где он такую собрался искать? Не видела я ни одной женщины советского производства, которая была бы без шила.

А как же прокормить семерых по лавкам? А кто будет работать мои три работы?

Без шила это даже как-то не серьезно, если честно.

Женщина без шила — это мертвая женщина, я считаю.

— Галина, я хочу спокойствия! — заявил мой Николя вчера за ужином. — А ехать в Дагестан на машине на Новый год — я не хочу. Это идиотизм. Нам по восемьдесят лет.

— Лично мне семьдесят три и я еще молода, — возразила я, уплетая сочный стейк из говядины.

— Да сколько можно то, а? — взвился Коля, нервно разрезая мясо. — Когда ты уже в конце концов угомонишься?

— Вероятно, после смерти, — философски заметила я, отпив из бокала красного виноградного сока.

Алкоголь я категорически не признавала, но мне хотелось, чтобы ужин выглядел эстетично, поэтому обманывала собственный мозг, как могла.

— Опять ты со своими шуточками, Галина! — раздраженно бросив вилку, фыркнул Николай.

— Да какие шутки, Коля? — отсалютовав ему бокалом, спросила я. — Я серьезна, как никогда. Ты всю жизнь требуешь от меня соответствия каким-то своим придуманным нормам. Одеваться я должна, как бабушка, в платки и поеденные молью кардиганы. Балкон и дача нужны для того, чтобы там что-то бесконечно сажать и копать, но уж точно не для отдыха и уединения. Няньчиться с внуками я должна 24/7 и готовить им пирожки. А самое главное, я не должна ничего хотеть для себя. А не кажется ли тебе, что ты обнаглел со своими требованиями?

— Ты забываешься, Галина! — поднявшись из-за стола, Николай навис надо мной грозой тучей. — Все, что у тебя есть — это исключительно благодаря мне.

— Благодаря тебе, мой милый, — не поведя и бровью, мило проворковала я. — У меня есть только седые волосы, нервный тик и сожаление на тему бесцельно прожитых лет. А все остальное — это исключительно совместно нажитое имущество, к появлению которого я тоже приложила немалые усилия.

— Мне нужна спокойная женщина, — еле сдерживая ярость, процедил Коля сквозь зубы, — с которой я доживу свой век. Поэтому, либо ты становишься нормальной...

— Либо? — с вызовом взглянув в глаза мужу, спросила я.

Ответом мне была его недовольно удаляющаяся спина, а утром я нашла записку.

И знаете что?

Оказалось, что это было лучшее, что случилось со мной за все мои семьдесят три года.

Такой свободной я себя никогда не чувствовала. Осталось только успокоить тахикардию после всех этих радостных, утренних скачек, дожидаться пока откроется торговый центр и отправиться за новым гардеробом для поездки в Дагестан.

Там-то, в одной из примерочных, меня и настиг еще один сюрприз.

Никого не трогая, я примеряла третий купальник, как услышала знакомый мужской голос:

— Да, моя уточка! Я теперь весь твой!

Сначала я решила, что мне показалось и отмахнувшись от непрошенных мыслей, продолжила свое увлекательное занятие, но уже невольно начала прислушиваться.

— Котик, а ты хочешь меня в этих трусиках? — пропищал визгливый голос той самой уточки.

— Конечно, моя уточка! — игриво ответил мужчина. — Срочно идем их примерять!

Я не успела сообразить, что примерочная здесь была всего одна, как в следующее мгновение шторка распахнулась и я встретилась лицом к лицу с Котиком — Николаем и Уточкой — его секретаршей.

— Галина? — удивленно спросил муж, оглядывая меня, стоящую в красном купальнике. — Это что за срамота? Куда ты собралась в таком виде?

— В Дагестан! — с вызовом ответила я и почувствовала, как начинаю медленно и очень постыдно для своей самооценки оседать на пол, теряя сознание.

Глава 2. Где-то на границе с Вальдхеймом

Очнулась от резкой головной боли. Словно кто-то с размаху вонзил мне в висок шило, которое предварительно вынул... ну вы поняли откуда.

Обстановка вокруг значительно отличалась от той, в которой я так малодушно потеряла сознание. Не было ни примерочной, ни Котика с Уточкой, ни красного купальника. Про купальник, кстати было обиднее всего. Именно его я и планировала прикупить.

Безумно хотелось пить и почему-то в голове была какая-то какофония из картинок, которые я раньше никогда не видела.

— Галия, наконец-то, ты проснулась! — раздался громкий удар двери о стену, я резко села от неожиданности и тут же об этом пожалев, зажмурилась.

Моя, неподготовленная к таким действиям, голова закружилась и к горлу подступило неприятное ощущение тошноты.

— Галия, сколько можно спать? — вновь раздался возмущенный мужской баритон.

Медленно массируя пальцами виски и держа голову, чтобы она не убежала, я приоткрыла один глаз.

Рядом с кроватью стоял высокий, широкоплечий мужчина, явно кавказской наружности. Последнее я поняла по выразительным карим глазам, черным волосам, бороде и смуглости кожи.

Он был определенно чем-то недоволен и судя по тому, что смотрел он на меня, недоволен он был мной. Вот только...

— Я не Галия, я — Галина, — поправила я могучего горца.

Он скрестил могучие руки на груди и слегка поднял на меня правую бровь.

— Я устал от твоего бесконечного занудства, женщина, — сообщил мне Бородач, суровым, грозным голосом, от которого у меня даже проснулась пара мурашек где-то в районе спины и предусмотрительно сообщила мне о том, что сейчас нужно вздрогнуть и заплакать, но так как последний раз я плакала примерно в 1982-м и то только потому что партия так сказала, я отказалась от подобных неконструктивных действий.

Не обратив внимание на мою заминку, горец сурово продолжил:

— У меня на носу очень важные переговоры, от которых будет зависеть будущее моего народа и я не могу рисковать своей репутацией! Мне нужна достойная жена, яркая, надежная, которая может и мужа развеселить и важных гостей в доме принять, не ударив в грязь лицом, а ты что? Серая мышь, которая дрожит от каждого дуновения ветра! Сколько можно, Галия? Твой покойный отец уверял меня в абсолютно других вещах.

— Так и женился бы тогда на нем, — недовольно буркнула, все еще пытаюсь справиться с головокружением.

Мой саркастичный выпад повис в воздухе на долю секунды, а затем комната словно сжалась. Воздух стал густым и горячим, как в кузнице.

Рикард не двинулся с места, но его карие глаза вспыхнули таким золотистым огнем, что у меня перехватило дыхание. Не образное, а самое что ни на есть настоящее. В горле запершило от внезапного жара.

“Это что еще за новости?” — подумала я про себя, хватаясь за горло.

— Ты осмелилась... — в его голосе послышался низкий, звериный обертон. Он сделал шаг вперед и тень от его мощной фигуры накрыла меня целиком. — Осквернить память о своем отце и мою честь — подобной гнилой шуткой?

Он не кричал. Это было хуже. Каждое слово падало, как отшлифованная льдина, обжигая холодом.

В его интонации сквозила такая неподдельная, древняя ярость, что моя советская закалка дала трещину. Я инстинктивно отодвинулась к изголовью, нащупывая взглядом что-то тяжелое.

Но вместо этого в висках застучало и на меня обрушился водопад чужих страхов.

Это были воспоминания тихой, безгласной Галии, которая за пять лет замужества так и не научилась поднимать на мужа глаза.

Обрывки памяти впивались в сознание, как осколки. Вот он, Рикард, говорит спокойно, даже устало:

“Галия, я хочу, чтобы в нашем доме звучал твой смех. Хочу, чтобы ты встретила гостей не дрожащей рукой, а полной чашей. Почему ты молчишь?”

А она в ответ лишь густо краснеет и смотрит в пол, словно надеясь, что он растворится вместе с ней.

Вот он, повысив голос от досады:

“Да скажи же что-нибудь! Хоть слово! Я что, зверь?”

А она, бедняжка, только вздрагивает и крепче сжимает края платка — того самого, поеденного молью, который, как выяснилось, был модным атрибутом не только у советских бабushек, но и у забитых жен.

Хотя, откровенно говоря, забитой ее сложно было назвать, ведь Рикард ни разу на нее руки не поднял. Но его молчаливого недовольства, его разочарованного взгляда оказалось достаточно, чтобы она хотела исчезнуть.

“Что за чертовщина? — пронеслось у меня в голове, пока картинки мелькали, как плохо смонтированный фильм. — Я вчера пол мыла, радовалась свободной жизни, в красном купальнике сознание теряла, а сегодня я — какая-то Галия с комплексом затворницы? Это что, клиническая смерть? Или мне в примерочной на голову упал весь стеллаж с бикини?”

Между тем Рикард, не дождавшись ответа на свой риторический вопрос об осквернении чести, продолжал смотреть на меня взглядом, от которого даже у меня, ветерана партийных собраний, внутри все екало. Но отступать было некуда. Позади — только подушки и чужая жизнь.

— Прости, — выдавила я, опираясь на воспоминания Галии. Голос прозвучал непривычно тихо. — Я... я не со зла. Голова раскалывается.

Он слегка откинул голову, изучая. Казалось, золотистые искры в его глазах немного потухли, сменившись привычным раздражением.

— Вечно с тобой одно и то же, — проворчал он, но уже без леденящего гнева. — То голова, то сердце, то настроения нет. Я женился на женщине, а получил тень. Отец твой, да упокоится он, клялся, что ты скромная и добрая. Он не упомянул, что ты еще и безвольная.

Я внутренне фыркнула:

“Да уж, Галюня, — фыркнула я внутренне. — Не того тебе мужика папаня в мужа выбрал! Надо было тебе моего Николая предложить с его консервативными взглядами!”

— Я пыталась, — сказала я вслух, снова следуя шаблону Галии.

Но потом что-то во мне взбунтовалось. Может, отголоски тахикардии после утренней “свободы”, а может, просто накопившаяся за семьдесят три года злость на всех мужей, требующих одним им известной “нормальности”.

— А ты пытался? — я подняла на него взгляд, полный вселенской женской досады. — Не требовать, а... помочь?

Рикард замер, будто увидел призрак. Видимо, Галия так никогда не говорила. В его глазах промелькнуло что-то вроде изумления, но тут же потонуло в волне нового недовольства.

— Помочь? — он произнес это слово, как незнакомое. — Женщина, я дал тебе все! Крышу над головой, одежду, статус! Ты хозяйка в Хельгарде! О чем еще речь? Я не нянька для робких девушек. Мне нужен партнер. Равная по духу. Та, что не забьется в истерику, когда во двор въедут чужеземные всадники. А ты...

Он сокрушенно махнул рукой и в этом жесте было столько фатального разочарования, что даже мне стало почти обидно.

И тут до меня наконец дошло. Ясность, резкая и неумолимая. Я не сплю. Это не сон. Каким-то невероятным, абсурдным образом я, Галина Петровна Ворошилова, оказалась в теле какой-то Галии, жены какого-то очень важного горца, которому страсть как надоела грустная жена и подавай ему веселую да активную.

Видимо, Вселенная слишком буквально восприняла мое желание поехать в Дагестан.

“Хотела приключений, бабушка? — словно сказал мне голос свыше. — Получай. Теперь развлекайся!”

Рикард тяжело вздохнул, отойдя к окну. Его могучая фигура заслонила свет.

— Мне все это надоело, Галия, — сказал он тихо, но так, что каждое слово было отчеканено из стали. — Я хочу развода.

“А вот это я уже где-то слышала сегодня, — мысленно съехидничала я. — Или это было уже не сегодня? Какое, кстати, сейчас число?”

— Но заниматься бумагами мне сейчас некогда, — продолжил он, обернувшись. Взгляд его был холоден и деловит. — На носу важные переговоры с южными соседями. И я должен предстать перед ними как человек с крепким тылом. С достойной женой. Которая ведет себя как хозяйка Хельгарда, а не как мышь дрожащая.

Он сделал паузу, давая мне понять весь ужас своего положения.

— Поэтому с завтрашнего дня ты переселяешься в нижние покои. В комнаты для прислуги. А я... — он выпрямился и в его осанке появилось что-то безжалостно-решительное, — буду выбирать себе новую жену. Таковую, какая мне нужна. А ты... будешь жить там, пока у меня не найдется время решить твою судьбу.

Он вышел, не дав мне сказать ни слова. Дверь закрылась без хлопка, но окончательно. Я осталась сидеть на огромной кровати, в теле незнакомой затворницы, в мире, где меня только что отправили на карантин за несоответствие идеалу.

“Нижние покои, — усмехнулась я про себя, глядя на резные своды потолка. — Выбор невесты. Решение моей судьбы. Да, Николай, твоя записка выглядит просто трогательной открыткой в сравнении с этим”.

Глава 3.

Меня переселили с быстротой и эффективностью, достойной депортации неугодного элемента.

Служанка, тоненькая темноволосая девушка по имени Лина, бросила мои скромные пожитки на узкую кровать в каморке размером с нашу с Колей прихожую и удалилась, не скрывая торжествующей усмешки.

Да, я помнила эти взгляды, которые она бросала на Рикарда из-под опущенных ресниц и эти ядовитые шепотки с другими служанками за спиной у “бледной хозяйки”.

В голове Галии отложилось: Лина считала себя куда более достойной кандидаткой на место у очага вождя.

Что ж, дурочка, получай и властвуй. Можешь начинать мыть полы в моих бывших покоях в преддверии приезда новых хозяек.

Комнатка, впрочем, была не такой уж и ужасной. Чистая, с небольшим окном, из которого открывался вид не на парадный двор, а на задворки, конюшни и дальние холмы.

“Нижние покои” звучало унизительно, а вот “комната с видом на свободу” — уже куда поэтичнее.

Первым делом я подошла к треснувшему медному тазу, служившему умывальником, чтобы взглянуть на свое новое отражение.

И обомлела.

Из воды на меня смотрело мое же собственное лицо. Не точь-в-точь, конечно, но — основа.

Пепельные, чуть выющиеся волосы, заплетенные в тусклую, невыразительную косу. Зеленые глаза, точно такие же, как у меня, только без той искорки, которую Коля когда-то называл “бесовской”, а потом — “старческой дурью”.

Черты — мои, но стертые, размытые грустью и каким-то хроническим испугом. Если бы эта девушка в отражении не носила на лице маску жертвы, если бы ее плечи не были ссутулены под невидимым грузом, она была бы... чертовски привлекательна.

Я объективно понимала, глядя на отражение, чем она привлекла Рикарда. Он, наверное, думал, что взял в жены тихую русалку, а получил вымокшего, перепуганного цыпленка.

Ирония судьбы: меня, Галину, всю жизнь пилили за неугомонность, а ее — за чрезмерную тишину. Вселенная определенно где-то сильно перепутала провода.

Желудок предательски заурчал, напоминая, что последний раз я ела еще в прошлой жизни.

В памяти тут же всплыл самый теплый и сытный образ в этом ледяном Хельгарде: кухарка Марта.

Полноватая, невысокая женщина с руками, привыкшими к тяжелым котлам, и глазами, в которых жила неиссякаемая доброта. Она единственная не шепталась, не смотрела с жалостью или презрением.

Она просто подкладывала Галуне в тарелку самые вкусные куски и ворчала:

“Кушай, дитя, а то ветром сдует!”, — и вздыхала, когда тарелка убиралась почти нетронутой.

Сердце у Марты было большим, а мозги, подозревала я, — не лишенными житейской хитрости.

Кухня оказалась царством ароматов и благотворного хаоса. Марта, красная от жара печи, орудовала у огромного стола, усеянного овощами.

— Барышня? — ее глаза округлились от удивления, когда я появилась в дверном проеме. Она отложила нож и потерла руки о фартук, делая шаг ко мне. — Ты чего тут? Тебе чего-нибудь принести? Не следует тебе тут, внизу, быть...

— Марта, есть очень хочется, — сказала я максимально просто, садясь на табурет у двери. — Можно я тут посижу? И... если останется что-то с твоего волшебного стола...

Женщина растаяла мгновенно. Через минуту передо мной дымилась тарелка густой похлебки с куском темного, душистого хлеба.

— Ешь, родная, ешь. Видали дела-то какие... — она сокрушенно качала головой, следя, как я с неприличной для Галии скоростью уплетаю обед. — Несправедливо это. Мужики они все такие... им подавай то, чего нет.

— Марта, — начала я осторожно, обмакивая хлеб. — Скажи, а есть ли возможность...

Кухарка сразу насторожилась. Ее добрые глаза стали серьезными. Она оглянулась на дверь, прислушалась к звукам с двора и понизила голос.

— И не думай, дитя. Ой, не думай даже. Земли эти — его. Леса — его. Дороги сторожат его люди. До ближайшего чужого селения — три дня скачки на хорошем коне. А ты и на лошадь-то, поди, не заберешься. Найдет. Ой, как найдет. И тогда...

Она не договорила, но махнула рукой и в этом жесте был весь приговор.

— Но он же будет занят, — не сдавалась я, чувствуя, как внутри закипает знакомая, бунтарская настырность. — Завтра, сказал, невесты съедутся. Смотрины, конкурсы красоты и хозяйственности. Ему будет не до меня.

— Так-то оно так... — Марта задумалась, потирая подбородок. — Шум-гам будет знатный. Дней на пять, не меньше. Пока всех примет, пока выберет... Но кордоны-то не снимет, дитя. Лучший план — это сидеть тихо, делать, что скажут, и ждать. Авось, новая хозяйка добрее будет, не прогонит.

Ждать. Сидеть тихо. Делать, что скажут. Фраза, от которой меня тошнило в двух жизнях сразу. Я доела похлебку, чувствуя, как сытость и отчаяние ведут в моем желудке неспешную, тягучую битву.

— Спасибо, Марта, — аккуратно взяв кухарку за руку, тихо произнесла я. — Ты всегда так добра ко мне.

— Да что уж... — она смущенно замахала свободной рукой, но глаза ее блеснули от накативших слез.

Я вернулась в свою каморку, легла на жесткую кровать и уставилась в потолок.

План отхода. Какой может быть план отхода из средневековой крепости, если ты — бывшая хозяйка, а ныне — пленница с лицом, которое нельзя спрятать?

Мысли крутились, как белка в колесе, упираясь в один и тот же тупик: всезнание Рикарда и его железную хватку.

За окном стемнело. В Хельгарде затихли дневные звуки, сменившись шорохом ночных стражей да редкими окриками смотровых.

Я уже начала проваливаться в тяжелый, беспокойный сон, как вдруг гениальная мысль озарила мою голову:

“Если я не могу уйти сама, значит, нужно сделать так, чтобы Рикард меня выгнал!”

Глава 4.

Меня выдернули из тяжелого забытья не свет и не птицы за окном, а резкий толчок в плечо и голос, насквозь пропитанный фальшивым сочувствием и злорадством.

— Просыпайся, бывшая хозяйка. Приказ господина Рикарда, — выстрелила Лина, стоя над кроватью со сложенными на груди руками. — Приказал, чтобы ты, как и прочая прислуга, вышла встречать гостей. Подавать, убирать, улыбаться. Хочешь жить внизу — покажи, что можешь быть полезной. Или послушной.

Слова “приказ господина” повисли в сыром воздухе каморки, обжигая сильнее любой пощечины.

“Значит, так? Недостаточно было сослать? Захотелось добить, выставить на всеобщее обозрение, превратить в живую иллюстрацию того, что бывает с непослушными женами? Чистейшее, выверенное унижение.

“Браво, Рикард, — все внутри закипело ледяной, острой яростью. — Настоящий стратег. Уничтожить не только статус, но и последние остатки достоинства. Заставить прислуживать тем, кто приехал занять твоё место. Изящно. Подло. По-твоему”.

План “вывести его из себя” вспыхнул новым, более жгучим огнем. Это была уже не просто тактика. Это была война. Тихая, ядовитая, идущая наперекор всему.

Я надела грубый холщовый наряд служанки, чувствуя, как ткань впивается в кожу, будто соткана из колючей проволоки. Я не просто заплела волосы — я намеренно сделала это небрежно, позволив прядям выбиваться, создавая образ не просто жертвы, а затравленной, доведенной до отчаяния женщины.

Двор Хельгарда встретил меня ослепительным, пестрым кошмаром. Шелк, смех, блеск украшений, уверенные взгляды девиц, оценивающих новую территорию.

А я — серая, неопрятная тень среди этого пира тщеславия. Взяв тяжелый поднос с кувшинами, я пошла сквозь толпу, выбирая путь поближе к самым ярким платьям и самым звонким голосам.

— Ой, — начала я, обращаясь к первой же красотке в синем платье, — какой у вас платочек... Красивый... У моего покойного батюшки был такой же... Перед самой смертью... — я сделала паузу, даваясь искусственным всхлипом. — Он тогда так мучился...

Девушка отодвинулась от меня, как от прокаженной. А я же перешла к следующей. Поднос у меня слегка дрожал (нарочно, конечно).

— Вам морсу? — проскрипела я жалобно. — Он сегодня... немножко кислый. Потому что я, когда ягоды давила, вспомнила, как мой муж... сказал, что я ничего не умею...

Тут я пустила слезу для верности. Одну, крупную, которая медленно поползла по щеке. Невеста побледнела и отвернулась.

К третьей я подошла уже с полным набором. Шмыгала носом, вздыхала так, что, казалось, вот-вот испущу дух, и на все попытки заговорить со мной отвечала бессвязными тирадами о своей горькой доле, о холодных стенах Хельгарда, о том, как “все здесь такое большое и страшное”.

Я видела, как по двору стал прохаживаться Рикард. Он был облачен в парадный кафтан, принимал гостей, улыбался (ну, как умел — уголок губы дергался).

Но его взгляд все чаще метался в мою сторону. Сначала — недоуменный. Он хмурил брови, словно пытался понять, что я здесь делаю. Потом — раздраженный. Наконец — откровенно грозовой.

Я же разошлась не на шутку. Подошла к группе самых оживленных невест и, подавая им сладости, громко всхлинула:

— Ой, пирожки... Марта пекла... А у меня никогда не получаются... Он говорит — ты даже тесто замесить не можешь, никакого толку от тебя... — и из моих глаз полились настоящие, искренние слезы — от смеси ярости, бессилия и дикого, искривленного веселья. План работал! — Вы, кстати, взяли с собой теплые носки? В Хельгарде жутко холодно.

Рикард же стоял, беседуя с одной из кандидаток — высокой, статной девушкой с волосами цвета воронова крыла. И на его лице... не было привычной суровой маски. Хотя он по-прежнему бросал в мою сторону недовольно-предупреждающие взгляды.

Он слушал девушку, слегка склонив голову и в его глазах, этих обычно ледяных омутах, которые всплывали в моей голове из воспоминаний Галии, плескалось что-то похожее на внимание. Даже уголок его рта был приподнят. Он говорил с ней почти мягко.

“О, как трогательно, — прошипел внутренний голос, наполняясь кислотным сарказмом. — У горного медведя нашелся ласковый рык для новой, блестящей игрушки. Интересно, ей он тоже сулит покой и достойное партнерство? Пока не надоест ее блеск?”

Это зрелище — его неестественная, подобострастная учтивость — стало последней искрой. Он был не просто жестоким деспотом. Он был лицемером, надевающим маску благородства, когда это выгодно. И эту маску я возненавидела больше, чем его открытый гнев.

Я направилась к ним, нарочно сделав шаг неуверенно, будто споткнувшись. Поднос дрогнул. Капли холодного морса брызнули мне на юбку и — о, прекрасная случайность! — пара алых капель упала на подол ее роскошного платья.

— Ой-ой-ой-ойй! — всхлипнула я не просто жалобно, а надрывно, срывающимся на визг голосом, специально размазывая грязь по своей одежде. — Простите, господин! Простите, светлейшая дева! Я... я все испортила! Я всегда все порчу! Он ведь прав, тысячу раз прав, что от меня одно расстройство!

Я подняла на Рикарда заплаканные глаза, в которые вложила всю свою ярость, всю боль от “его приказа”, прикрытую маской истеричного раскаяния.

— Простите, что своим убожеством ваш праздник омрачаю... Я сейчас исчезну... в темноту... куда мне и дорога...

Девушка в алом платье отпрянула с неподдельным ужасом, глядя то на пятно, то на мое искаженное лицо, будто увидела призрак.

А я поймала взгляд Рикарда. Сначала в нем мелькнуло чистое, неподдельное недоумение. Будто он увидел говорящую лошадь.

Это недоумение сменилось догадкой, а затем — стремительно нарастающей, черной, всепоглощающей яростью. Его спектакль мудрого, гостеприимного хозяина, принимающего достойных невест, трещал по швам.

И рушила его я — жалкая, скулящая тень, которую, как он думал, уже похоронили внизу.

Он двинулся вперед броском разъяренного зверя. Его рука впилась мне в предплечье стальными клещами. Боль, острая и жгучая, пронзила до костей, выбив воздух из легких. Я не закричала, лишь стиснула зубы, чувствуя, как его пальцы вдавливаются в руку.

— Прошу извинить, — прозвучал его голос, обращенный к опешившей невесте. Он был натянут, как струна, грозен, но подчеркнуто вежлив. — Новенькая...

Затем он резко развернулся и поволок меня через весь двор. Не вел — тащил, почти отрывая от земли, не глядя по сторонам. Мимо шокированных, замерших гостей.

Мимо прислуги, прячущей глаза. Мимо торжествующей физиономии Лины, выглядывавшей из кухни. Воздух звенел от скандала, позора и его бешенства.

Он втолкнул меня в кабинет так, что я едва удержалась на ногах, и захлопнул дверь с грохотом, от которого содрогнулись стены. Навис надо мной, загнав в угол, перекрыв собой весь свет из узкого окна.

Я чувствовала на коже его горячее и тяжелое дыхание, а глаза, казалось сейчас просверлят во мне дыру.

— Какого... черта... ты ТВОРИШЬ?!

Глава 5.

— Какого черта ты творишь? — сдавленным голосом, спросил Рикард.

— Выполняю приказ господина, — ядовито, чеканя каждое слово, поведала я, не отрывая пристального взгляда от его горящих золотистым огнем глаз.

— Какой к чертовой матери приказ? — Рикард отступил на полшага, изумленно уставившись на меня и на его обычно непроницаемом лице появилась самая настоящая, неподдельная растерянность.

— Ты вроде не такой старый, чтобы страдать деменцией, — отозвалась я, чувствуя, как холодная злость придает моим словам остроту, а сама подумала, что вряд ли он знал значение этого слова и мне нужно быть осторожнее с такими словами, чтобы не выдать себя. — Это не я отдала приказ публично унижить свою еще даже не бывшую жену и выставить ее прислугой перед толпой нарядных индюшек, приехавших занять ее место.

— Я такого приказа не отдавал, — проговорил он уже тише, отпуская мою руку, на которой оставались красные отметины от его пальцев.

Я внимательно посмотрела на явное смятение на суровом лице, тут же вспомнила злорадную моську Лины и пазл в моей голове сошелся на том, что распустил этот горец свою прислугу, раз не боится она такие шутки от имени господина шутить.

А может он просто никогда не замечал, что творится у него под носом, пока это не начало так явно бросаться на его новых невест.

Он прошелся по кабинету, его могучая фигура казалась неестественно скованной, а потом он резко обернулся и его взгляд, уже без ярости, но с тяжелым, давящим недоумением, впился в меня.

— Даже если учесть, что кто-то додумался отдать такой приказ от моего лица, — внимательно вглядываясь в меня, начал Рикард. — Ты же должна была понять, что это неправда?!

— Наверное, — парировала я, не опуская глаз. — Но после твоего вчерашнего “Я устал от тебя и хочу развестись, но не сейчас, а попозже, потому что сейчас я буду выбирать себе новую жену!”, такой приказ тоже имел право на существование, да и разбираться правда это или нет, у меня времени не было — от невест же двор ломился.

— И поэтому ты устроила этот дешевый спектакль? — возмущенно спросил типамуж.

— Считаю, что моя актерская игра была на высоте, — скрестив руки на груди, ответила я.

— Знаешь, я начинаю думать, что все прошедшие годы унылой семейной жизни тоже были актерской игрой, — отзеркалив мою позу, заметил Рикард и в его взгляде мелькнул огонек подозрения.

— Ты волен думать, что твоей душе угодно, — я подняла руки вверх, показывая, что не собираюсь спорить. — Я тебя в чем-то убеждать не нанималась.

Рикард сделал два шага в мою сторону и внимательно взглянул мне в лицо.

— Что с тобой произошло? — недоуменно спросил он. — Как получилось, что одна ночь тебя так изменила?

— Волшебное слово “развод”, — произнесла я спокойно, чувствуя, как внутри все сжимается в холодный, твердый комок решимости, — творит чудеса. Оно, знаешь ли, обладает удивительной способностью раскрывать спящий потенциал. Счищает налет страха.

Он прищурился, изучая мое лицо, будто впервые видя эти зеленые глаза, в которых теперь горел не испуг, а вызов.

— Что еще это слово у тебя раскрыло? — спросил он с леденящим любопытством.

— Глаза, — не моргнув, ответила я. — Раньше они видели только пол у твоих ног и собственные слезы. Теперь они видят много интересного. Например, то, как легко твоя власть дает трещину, если в нее ткнуть пальцем в лице какой-нибудь хитрой служанки.

Он промолчал, переваривая мои слова, и атмосфера в комнате снова изменилась, стала тягучей и неопределенной. Гнев осел, оставив после себя неприятный осадок взаимных претензий.

— Если своей выходкой ты хотела добиться того, чтобы я тебя выгнал, — наконец произнес он медленно, с ледяной уверенностью, возвращаясь к своей роли судьи, — то ты просчиталась. После смерти твоего отца я — твой единственный опекун и законный муж, пока еще. Какова будет твоя дальнейшая судьба — решать только мне. И если ты одумаешься и больше не будешь устраивать подобных спектаклей, то, возможно, эта судьба решится для тебя вполне благоприятно. Но сейчас мне некогда. Мне нужно выбрать новую жену и провести переговоры.

В его тоне сквозила непоколебимая уверенность хозяина положения. И именно это заставило мой мозг, уже привыкший к радикальным решениям, выдать очередную безумную идею.

— Давай я помогу тебе, — сказала я так просто, словно предлагала передать хлеб за ужином.

Он замер, не понимая.

— Поможешь? В чем?

— Выбрать новую жену, — выпалила я. — Ты побыстрее со мной разведешься, женишься на ней, а меня... отпустишь. С миром. Без взаимных претензий.

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Рикард смотрел на меня так, будто я только что предложила ему летать на драконе до луны.

— В смысле, сможешь выбрать новую жену? — повторил он, с трудом выговаривая слова.

— В прямом. Судя по тому, что в первый раз ты женился на мне, — я сделала многозначительную паузу, позволяя сарказму прозвенеть в воздухе, — со вкусом у тебя, мягко говоря, так себе. И с пониманием женской натуры, видимо, тоже проблемы. Поэтому я, как человек, получивший жестокий, но ценный жизненный опыт, помогу тебе не наступить на те же грабли. А ты, в благодарность, отпустишь меня. Все честно. Идет?

Глава 6.

Рикард согласился. Большое, конечно, от неожиданности, чем из реального понимания того, что я могу помочь ему выбрать новую жену. Но его любопытство, подогретое моим нелепым предложением, явно перевесило здоровый скепсис.

Мне было, честно говоря, все равно на его мотивы, будь они хоть трижды запутаны и неискренни, потому что у меня теперь была четкая, как горный хрусталь, цель и я намеревалась идти к ней с упрямством, достойным советского человека.

Утро следующего дня началось все в том же кабинете, где меня уже поджидал хмурый, как туча перед ливнем, Рикард, явно терзаемый сомнениями насчет всей этой безумной затеи, но поскольку отступать было не в его суровом характере, он просто сидел, нервно постукивая тяжелыми пальцами по дубовому столу и делал вид, что с великим интересом разглядывает унылый пейзаж замерзших холмов за окном.

Я зашла, предварительно постучав — не из вежливости, а чтобы дать ему время собраться с лица выражение крайнего раздражения, и подошла к столу, ощущая на себе его тяжелый, оценивающий взгляд.

— Прежде чем мы начнем наше увлекательное путешествие по невестам, — сказала я, подходя к столу, — я хочу прояснить для себя пару ключевых моментов, чтобы наша совместная деятельность была максимально эффективной.

Мужчина внимательно, почти не мигая, взглянул на меня, слегка подавшись вперед в кресле, и я расценила этот жест как молчаливую, хотя и неохотную, готовность отвечать на вопросы.

— Во-первых, — начала я, скрещая руки на груди, — когда именно планируется визит той самой важной переговорной делегации, ради которой тебе так срочно потребовалась новая, презентабельная супруга?

Брови Рикарда, густые и темные, резко взметнулись вверх, а затем недовольно сошлись на переносице, образуя глубокую складку.

— Галия, ты что, издеваешься надо мной? — возмущенно, с нарастающим шипением в голосе, спросил он. — Я тебе тысячу раз говорил, что послы из Вальдхейма придут в последние дни декабря. Ты что, вообще меня не слушала?

— Не вникала в детали, — отмахнулась я с показным равнодушием, и тут же память той самой Галии, подсунила мне обрывок информации: в самом Вальдхейме в конце декабря по старой традиции отмечали Зимний пир, это было что-то вроде праздника смены года, с искрами магии в воздухе и особыми ритуалами.

“Интересно, — пронеслось у меня в голове, — а они его там так же отмечают, как у нас на Земле, с шампанским и салатом оливье, или у них свои, мистические деликатесы вроде жареной мандрагоры?”

— В конце декабря, значит? — переспросила я, делая вид, что просто уточняю. — То есть, по сути, на их Новый год?

— На что? — переспросил он и на его лице вновь появилось то самое чистое, неподдельное недоумение, которое начинало мне нравиться куда больше его грозовой ярости.

— На Новый год, — терпеливо, но с легким укором повторила я. — Праздник смены года. Ты разве не в курсе, что в Вальдхейме такой отмечают? Как ты собрался вести переговоры, если даже не потрудился изучить календарь и традиционные праздники своего могущественного соседа и оппонента?

Рикард посмотрел на меня с еще большим удивлением, в котором тут же вспыхнула искра уязвленного самолюбия.

— Ты сомневаешься во мне, как в правителе? — спросил он чуть рычащим, глубоким голосом, в котором зазвучали нотки настоящей обиды.

— Нет, что ты, как можно? — отрицательно замахала я руками, изображая легкий испуг, который тут же сменила на деловую озабоченность. — Просто полагаю, что традиции соседнего государства, особенно если они связаны с переговорами в такой значимый день, лучше, конечно, знать досконально, чем не знать. Это же основы дипломатического этикета.

Рикард молчал несколько томительных секунд, его взгляд, полный уязвленного самолюбия и досады, буравил меня, а я внутренне усмехаясь, думала, что ему полезно иногда чувствовать что-то подобное — отличная профилактика заносчивости и непогрешимой уверенности в собственной правоте.

— Ну и о чем, по твоему просвещенному мнению, я должен спрашивать этих... женщин, — после тяжелой паузы, явно пересиливая гордыню, решил сменить тему Рикард, — чтобы определить, какая из них мне действительно подходит для такой... дипломатической миссии?

— О, тут все просто, — ответила я, делая вид, что обдумываю. — Нам нужно понять, есть ли у них смекалка, чувство юмора, стрессоустойчивость и, что немаловажно, вкус.

Рикард откинулся на спинку своего могучего кресла, скрестив руки на груди, и внимательно слушал мой монолог.

— И как мы будем это... понимать? — уточнил он.

— Путем тщательного собеседования, — объявила я. — Приглашай их по одной. И задавай вопросы. Не про то, сколько полотен она может выткать за зиму, а про то, как она будет действовать в нестандартной ситуации. Я буду сидеть во-о-он там, в углу, — я кивнула на массивный резной сундук у стены, — делать вид, что штопаю твои носки, а на самом деле — наблюдать и делать пометки.

Так началось собеседование на должность жены для моего, пока еще, не бывшего мужа. Рикард, скрипя зубами, играл по моим правилам. Я понимала, что он преследует какие-то свои тайные мотивы во всем этом, но пока что не могла разгадать какие именно.

Первую кандидатку, румяную девушку Эльфриду из соседней долины, он спросил, что она будет делать, если во время пира в зал ворвется раненый медведь.

Девушка, воспитанная в традициях кротости, замерла, ее глаза стали круглыми, как блюдца.

— Я... я упаду в обморок, господин, чтобы не мешать воинам? — пискнула она.

Из моего угла донесся негромкий, сдвленный смешок. Я даже в красках представила себе эту картину и судя по хмуро-недовольному лицу Рикарда — он тоже представил.

Для себя же я сделала две пометки: “паникерша” и “не умеет импровизировать”.

Вторую, статную Ингигерд, дочь кузнеца, он спросил, как она уладит спор двух пьяных гостей, готовых взяться за ножи.

Она, не моргнув глазом, заявила, что прикажет вылить на них по ведру ледяной воды, а потом стражники отнесут их проспать в амбар.

Рикард удивленно хмыкнул, а я вывела на пергаменте: “решительная, но слишком прямолинейна, рискует оскорбить важного гостя, отправив его спать в амбар”.

Третья, хитрая и большеглазая Лиот, на вопрос о том, как развлечь гостей, если мене-стрель внезапно заболеет, пустилась в описания собственных танцевальных талантов и умения играть на лютне, при этом постоянно косясь на Рикарда, пытаясь поймать его взгляд.

“Самовлюбленная интриганка, — нацарапала я. — Будет флиртовать с послами, чем создаст неоднозначную ситуацию”.

Рикард, отправляя каждую девушку, все чаще поглядывал в мой угол, и в его взгляде читалось не столько раздражение, сколько азарт охотника, который неожиданно обнаружил, что его собака ведет зверя по совершенно новому, неизведанному следу.

А я, сидя в полумраке и водя заостренным гусиным пером по вощенной дощечке, ловила себя на мысли, что впервые за все время в этом теле я чувствую не бессильную ярость или страх, а сосредоточенную, почти профессиональную заинтересованность.

Я составляла досье. Искала слабые места. Планировала операцию под кодовым названием “Новая жена для бывшего мужа”.

И, возможно, впервые за свою долгую жизнь испытывала искреннее веселье.

К концу дня Рикард сидел за столом, похожий на человека, только что пережившего долгое и изматывающее сражение с врагами.

Когда дверь закрылась за последней, двенадцатой невестой, предложившей в случае драки “вызвать девиц легкого поведения для отвлечения внимания драчунов”, он отчаянно простонав, опустил голову прямо на сложенные на столе руки.

Я же, отложив носки, взятые для прикрытия, выбралась из угла, где весь день тихо хихикала, закусив губы и прошла к камину, погреться.

Рикард, казалось, устал от этой бесполезной болтовни настолько, что даже не подавал никаких признаков жизни.

Решив, что на сегодня с него хватит, я забрала свои заметки и уже хотела было выйти из кабинета, но замученный голос Рикарда остановил меня:

— Уйдешь и даже заметками своими не поделишься?

— Поделюсь, — открывая дверь, согласилась я. — Но это был только первый, ознакомительный этап! Завтра нас ждет куда более увлекательная программа — проверка на яркость, живость и силу духа. Как раз того, чего тебе так не хватало в твоей прежней, скучной жене. Вот после этого и поделюсь.

Когда я закрыла за собой дверь, я отчетливо услышала возмущенный рык того, кто не был готов к такой подставе.

Глава 7.

Возвращаясь к себе в нижние покои и уже вкусив сладковатый привкус небольшой, но ощутимой победы, я размышляла о том, как забавно устроен мир.

Вчерашняя хозяйка огромного Хельгарда, а ныне ссыльная в собственном доме, стала тайным советником его властелина по столь щекотливому вопросу, как выбор новой жены.

Мысли эти, впрочем, имели оттенок не столько торжества, сколько привычного, едкого сарказма. Ситуация напоминала старую, потрепанную книгу, в которой страницы были перепутаны, а сюжет окончательно заигрался в абсурд.

Проходя по затемненному коридору, ведущему в крыло прислуги, я неожиданно замерла, услышав приглушенные, но отчетливые голоса, доносившиеся из-за полуоткрытой двери в кладовую для белья.

Оба голоса были мне знакомы. Один принадлежал одной из претенденток в жены — Лиот, которую я окрестила самовлюбленной интриганкой. Хозяйкой же второго с явными ядовитыми нотками, была та самая служанка Лина, чье лицо я мысленно уже не раз украшала синяком под глазом.

Любопытство, это вечное топливо для неприятностей, заставило меня прижаться к холодной каменной стене и замереть, превратившись в тень. Я стала невольной свидетельницей беседы, которая по своей циничности могла бы превзойти торговлю на базаре.

— Милая Лина, — прозвучал мелодичный, я бы даже сказала, чересчур сладковатый голос Лиот, — Расскажи-ка мне о прежней хозяйке. Чем она не угодила хозяину? Говорят, она была... с придурью?

— О, светлейшая, — с наслаждением начала Лина, и в ее тоне зазвучало явное злорадство, — особенной — это мягко сказано. Унылой тенью бродила по замку целыми днями. Хозяин, человек суровый, но ответственный и справедливый. Он долгие годы терпел ее занудство, но все же есть предел.

— Что ты говоришь? — с деланным участием переспросила кандидатка. — Но разве занудство — это причина для развода?

— А как же? — оживилась служанка. — За все годы ни разу по-настоящему не улыбнулась, будто жила не с Рикардом Грейстеном, а с чертом лысым. А кому, скажите, приятно видеть каждый день такое угрюмое лицо? Слово лишнее не промолвит, сидит в своих покоях, будто сова нахохлившаяся. Тоску наводит, воздух отравляет одним своим видом. Даже прислуга от нее шарахалась, а представьте, каково хозяину? Хандрит постоянно, а о чем — одним богам известно.

Последовала пауза, густая и многозначительная. До моего притаившегося слуха донесся шелест платья и я предположила, что Лиот подошла ближе к Лине.

— И где же она теперь, эта... унылая душа? — спросил тонкий голосок и в нем я уловила ледяную нотку.

“Сама ты унылая! — возмущенно фыркнула я про себя. — Вот душа тут как раз, самая что ни на есть веселая!”

— О, — Лина понизила голос, перейдя на конспиративный шепот, — влачит жалкое существование в нижних покоях. В камерке, что напротив конюшни. Темно, сыро, мыши бегают. Места, в общем, на собачью конуру.

“Ой, — скривилась я. — А ты приврать-то тоже та еще любительница, Лина! Нормальная у меня комната!”

— Как печально, — без тени печали произнесла кандидатка. — И, должно быть, будет безнадежно стеснять она теперь будущую хозяйку своими грустными ликами. Нельзя ли как-

то... ускорить естественный ход вещей? Чтобы всем было спокойнее. У меня как раз есть довольно веселая служанка.

В тишине прозвучал мягкий, соблазнительный звон, будто монетка упала на камень.

— Я полагаю, за услугу такого рода можно обеспечить тебя вознаграждением, достойным твоего умения хранить секреты, — продолжила гостя. — Главное — чтобы все было тихо. Максимально незаметно.

Раздался звук, будто шелковый мешочек положили на ладонь. Голос Лины стал твердым и деловитым.

— Будет сделано, светлейшая. Все будет тихо.

Стоя за стеной, я мысленно похлопала в ладоши. План был тонок, как удар кинжалом в спину: устранить помеху тихо, без шума. Что может быть логичнее в этом мире суровых условностей?

Поняв, что сегодня ночью на меня придут охотиться, я не стала тратить время на размышления о несправедливости. Вместо этого в голове молнией пронесся контр-план, в котором я решила действовать, как и во всем в этом мире — наоборот.

Первым делом я отправилась на кухню, где у доброй Марты, уже убиравшей кухню, попросила большую бутылку с растительным маслом.

— Дитя, да на что тебе столько? — удивилась она, широко раскрыв глаза.

— Дверь скрипит, Марта, — соврала я с безобидной улыбкой. — Петли смазать надо, а то спать мешает. Скрип на всю каморку.

— Ох, — покачала головой кухарка, но полезла в кладовую. — Бери, родная. Только смотри, не пролей, пол тогда скользкий станет.

Затем мой путь лежал на конюшню. Усатый конюх с лицом, высеченным из гранита, дремал на обрубке у стойла.

— Доброго вечера, — окликнула я его тихо. — Не найдется ли у вас крепкой веревки и пары самых звонких колокольчиков.

Он открыл один глаз, потом второй. Смотрел на меня так, будто я заговорила на лошадином.

— Колокольчики? — переспросил он хрипло. — Хозяйка... ты чего?

— Птиц отгонять, — без колебаний выдумала я. — Под окном стаями слетаются, каркают. Спать не дают. Хочу их погнать.

Конюх еще мгновение молчал, оценивая. Потом тяжело вздохнул, пожал плечами — дескать, не мне судить причуды знати, даже опальной — и принес просимое.

— На, — буркнул он. — Только чтобы тихо было. Лошади пугаются звона.

Вооружившись трофеями, я вернулась в каморку. При свете коптящей лампы растянула веревку поперек комнаты у самого входа, привязав к ней колокольчики.

Свою старую подушку я аккуратно распорол по шву и взбив внутри серый пух и мелкие перья положила на пол у двери.

Соорудив на кровати иллюзию лежащего человека и погасив свет, я притаилась в углу на стуле, завернувшись в плащ. Ночь тянулась мучительно, каждый шорох в коридоре заставлял сердце биться чаще.

Я сжимала в руках прохладную глиняную бутылку и мысленно репетировала предстоящее представление.

Лина пришла глубокой ночью, когда в замке царила мертвая тишина, а я уже малодушно надеялась на то, что она про меня забыла и мне удастся поспать.

Дверь бесшумно отворилась и в проеме возникла ее тонкая тень. Она замерла на пороге, всматриваясь в темноту. Решив, что я сплю крепким сном спиной к ней, Лина сделала неосторожно быстрый шаг внутрь, и тут же запуталась ногой в веревке.

Колокольчики сорвались с места и залились пронзительным, неистовым звоном.

Я вышла из темноты. Прежде чем она успела вскрикнуть, с силой выплеснула на нее блестящее растительное масло.

Не дав ей опомниться, я схватила подушку и вытряхнула на нее целое облако пуха. Перья мгновенно прилипли к промасленной ткани. Лина, захлебываясь от ярости и отплевываясь, была похожа на гигантского, перепуганного цыпленка.

— Ты... ты ведьма! — прошипела она, пытаясь стряхнуть липкую массу. — Хозяин тебя сожжет за это! Тебе не жить!

— Посмотрим, — спокойно ответила я, хватая ее за скользкий рукав.

Вытолкнув ее в коридор, я тут же вылила остатки масла на каменный пол.

— Аннушка уже разлила масло! — флегматично произнесла я знаменитую фразу из “Мастера и Маргариты”.

Лина, отчаянно взмахнула руками, поскользнулась и тяжело грохнулась на пол. Попыталась встать и снова упала, шлепнувшись в липкой луже, а колокольчики на ее ноге продолжали призывно звенеть.

Этот дикий перезвон, смешанный с хлопаньем и сдавленными ругательствами, поднял на ноги весь замок. В коридоре засветились огни, послышались испуганные возгласы, топот босых ног.

Первым среди толпы проснувшихся появился Рикард. Он был в одних штанах, с голым торсом и злой, как тысяча чертей. Его лицо, искаженное яростью и недосыпом, было красноречивее любых слов.

За ним, стыдливо отворачиваясь и перешептываясь, толпились разбуженные невесты в ночных сорочках и наспех запахнутых халатах.

Он подошел ко мне вплотную. Глаза его горели холодным золотым огнем и в них прослеживался вертикальный зрачок.

“Это мне сейчас показалось?” — подумала я про себя, прижимая к груди пустую бутылку из-под масла.

— Галия, — прошипел он и каждое слово было словно отшлифованная глыба льда. — Какого черта здесь происходит?

Я встретила его взгляд без тени страха, с легким, почти изящным поклоном.

— Репетируем второй этап отбора, господин! — невинно хлопая ресницами, сказала я так, чтобы слышал только он. — Проверяем реакцию кандидаток на нестандартные, стрессовые ситуации. А заодно — и бдительность прислуги, которая, как выяснилось, склонна к ночным прогулкам с явно агрессивными намерениями.

Глава 8.

Утро в Хельгарде началось с гула приглушенных перешептываний, который, словно рой встревоженных ос, витал под сводами главного зала.

Я проскользнула внутрь, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, и сразу ощутила это напряжение, висящее в воздухе густым, липким маревом.

Кандидатки стояли изящными, пестрыми группами, но в их позах читалась неестественная скованность, а взгляды, вчера такие уверенные, теперь метались по сторонам, словно искали опоры.

Я быстро пробежалась глазами по рядам и почти мгновенно наткнулась на отсутствие одной из претенденток в невесты.

Самовлюбленная интриганка Лиот покинула стройные ряды охотниц за сердцем сурового горца и это не осталось незамеченным другими девушками. Вероятно, поэтому уровень напряжения среди них вырос и сейчас ощущался в воздухе.

Тут же, автоматически, я стала искать в толпе служанок знакомое хищное, вечно недовольное лицо Лины. Ее тоже нигде не было. Ни суетливой тенью за спинами гостей, ни с подносом в руках.

Два исчезновения сложились в моей голове в одну безрадостную и совершенно понятную формулу. Рикард не стал разбираться в ночных интригах. Он просто... устранил проблему. Кардинально. Навсегда.

И когда он сам вошел в зал, его внешний вид лишь подтвердил мою догадку. Он выглядел не просто невыспавшимся — он казался выжженным изнутри.

Темные тени под глазами контрастировали с неестественной бледностью кожи, а губы были сжаты в тонкую, белую от напряжения нить.

В его взгляде, скользнувшем по собравшимся, не было ни гнева, ни сожаления — лишь ледяная, безразличная усталость. Он прошел к своему креслу, не удостоив ни одну из девушек даже взглядом, и тяжело опустился, словно каменная глыба.

В зале воцарилась мертвая тишина, которую нарушал лишь шелест платьев.

— Сегодня вас ждет второй этап отбора, — бесцветно произнес Рикард. — Каким он будет вы узнаете позже, а сейчас у вас есть свободное время для того, чтобы получше познакомиться с землями, которыми вы планируете управлять.

Невесты зашуршали в сторону выхода, а Рикард еще какое-то время потупил взгляд куда-то в пустоту, после чего вышел из зала, что-то сказав молодому стражнику.

— Господин ждет вас в кабинете, — прошептал у моего уха этот самый паренек, поймав меня в коридоре, когда я как раз шла готовиться ко второму этапу отбора.

Сначала я хотела возразить, но потом решила, что злить сегодня Рикарда не стоит и, не говоря ни слова, развернулась и пошла за стражем.

Кабинет встретил меня знакомым полумраком и запахом воска, старого пергамента. Рикард стоял у окна, вглядываясь в туман, окутавший дальние холмы, и его прямая и непоколебимая спина, выражала максимально серьезный настрой на сегодняшний день.

— Ну? — произнес он, не оборачиваясь. Голос был глухим, лишенным всяких интонаций. — Каков твой следующий этап? Или мне снова готовиться к ночным серенадам в исполнении колокольчиков и перемазанной в масле прислуги?

Я прикрыла дверь, позволив уголку рта дрогнуть в едва уловимой усмешке.

— Все готово, — стараясь говорить как можно увереннее, ответила я. — Тебе нужно будет лишь наблюдать. Особенно — за лицами. Истинное лицо человека проявляется не тогда,

когда он улыбается, а тогда, когда он пытается улыбку сохранить, а внутри у него все уже вскипает от брезгливости и злости.

Он медленно повернулся. В его усталых, запавших глазах вспыхнула искра — не ярости, а скорее мрачного, почти болезненного любопытства.

— И что ты на этот раз придумала, моя внезапно находчивая жена? — последнее слово он сказал так, что у меня невольно побежали мурашки по спине. Вот только я не совсем поняла, от чего именно.

— Испытание, — просто сказала я, отмахиваясь от непрошенных мыслей. — На выдержку и терпение. Без этих качеств хозяйка Хельгарда — не хозяйка, а просто дорогая кукла. Дождемся обеда и все увидим.

— Значит, я сегодня еще и не поем, — буркнул себе под нос Рикард, когда я выходила из кабинета.

Марта, выслушав мой план, лишь побледнела, перекрестилась и прошептала:

“Господи, прости нас грешных”.

Но в ее глазах я увидела не страх, а твердую решимость. С помощью нескольких других слуг, тех, что еще помнили доброту забитой Галии и презирали наглую Лину, мы подготовили пир, способный вытащить наружу все истинные эмоции.

Обеденный зал сиял неестественным, почти болезненным блеском. Столы ломились, но стоило приглядеться и становилось ясно, что это за ловушка.

Суп в одной из фаянсовых мисок покрыла масляная радужная пленка, пироги на другом конце стола имели цвет и текстуру обожженной глины, а соусы в серебряных соусниках тихонько пузырились, словно в них варилось живое нетерпение.

Я устроилась в нише обеденного зала, сделав вид, что изучаю причудливую трещину на каменной стене.

Рикард занял место во главе стола, его лицо было непроницаемой маской.

Первой дрогнула Эльфрида. Она, вся розовая от надежд, зачерпнула ложку супа, поднесла ко рту — и ее лицо вдруг исказилось так, словно она откусила лимон, целиком. Она судорожно сглотнула, глаза ее наполнились слезами, но она промолчала, лишь побледнела до зеленого оттенка.

— Что-то бульон сегодня... передержали, — прошипела она соседке, едва справляясь с дрожью в голосе.

Статная Ингигерд, как раз вонзала вилку в кусок мяса, щедро политый чем-то прозрачным и липким. Она отправила его в рот — и ее реакция была куда красноречивее. Она не просто скривилась. Она отпрянула, с силой оттолкнув тарелку.

— Это что за гадость?! — вырвалось у нее, прежде чем она смогла заткнуть себе рот рукой. — Сладкое... до тошноты! Это же невозможно есть!

Рикард медленно перевел на нее взгляд. Он ничего не сказал. Просто смотрел. И этот молчаливый взгляд заставил Ингигерд сжаться и, покраснев, уткнуться в скатерть.

Но это было только началом. Невесты начали ерзать на своих стульях и постепенно стал ощущаться, насыпанный под тонкую подстилку, горюх.

Другая, пытаясь отодвинуться, почувствовала, как ее юбка с отчаянным чавкающим звуком прилипла к полу — кто-то (не будем показывать пальцем, кто это был) щедро разлил под стулом густой, янтарный мед.

Третья, отхлебнув из бокала, скривилась, будто выпила уксусу — морс был настолько кислым, что сводило скулы.

Возгласы возмущения поползли по столу, как лесной пожар.

— Да как можно было так пересолить рыбу? Это же соль, а не блюдо!

— У меня платье... все липкое... это же невозможно отстирать!

— Они что, с ума сошли на кухне? Или это такое издевательство?

Ни одна не попыталась сохранить лицо. Ни одна не сделала вид, что все в порядке. Никто не нашел в себе ни выдержки, чтобы промолчать, ни терпения, чтобы тактично отложить несъедобное.

Лишь бурчание, гримасы и ядовитые взгляды, злобно зыркающие в сторону ничего не выражающих слуг. Рикард наблюдал за этим карнавалом брезгливости, и только резкая складка меж его бровей выдавала нарастающее внутри бульканье глухого, беспощадного разочарования.

Когда, наконец, эта пытка едой закончилась, и все, расстроенные и злые, вывалились в сад — глотнуть воздуха, будто он мог смыть вкусовое унижение, — финальный акт уже ждал своего часа.

Неподалеку, на лужайке, резвилась орава детей — отпрысков конюхов, кузнецов, прачек. Их смех был громким, нестройным и абсолютно естественным.

Для раздраженных, заведенных как пружины, девиц он стал последней каплей.

И тут случилось неизбежное и, конечно же, четко спланированное мной.

Кривой, но сильный удар ногой одного из мальчишек отправил самодельный кожаный мяч в неуклюжий полет. Он прочертил в воздухе дугу и приземлился прямоиком на шелковое, нежно-лиловое платье самой жеманной из кандидаток, по имени Мадлен, оставив на нем влажный, темный отпечаток.

Наступила секунда выжидательной тишины. А потом раздался не крик, а визг. Высокий, пронзительный, раздражающий барабанные перепонки.

— А-а-а-а! Мое платье! Вы посмотрите! — девушка прыгала на месте, тряся испачканным подолом, ее лицо исказилось маской абсолютной трагедии. — Эти... эти грязные отродья! Уберите их! Немедленно! Они все портят! Они орут! Как можно здесь отдыхать?!

Ее истерика стала сигналом. Другие тут же подхватили, как стая взволнованных сорок.

— Да, совершенно невозможно! Такой шум!

— Уведите этих детей! Это же черт знает что!

— Они мешают беседовать! Это неуважение!

Никто не подошел к перепуганному, замершему мальчишке. Никто не попытался унять рыдающую девицу. Только холодное, высокомерное раздражение, выплеснувшееся наружу во всей своей неприглядной наготе.

И тогда встал Рикард. Он поднялся не спеша, и этот медленный подъем был страшнее любой стремительной атаки. Все звуки разом смолкли.

— Эти дети, — произнес он голосом, от которого похолодел даже воздух, — здесь живут. Их отцы и матери служат Хельгарду. Они имеют полное право играть на этой земле. А если кому-то из вас их присутствие, их смех или их игра причиняют такие неудобства... — он сделал паузу, давая каждому слову врезаться в сознание, — то ворота открыты. Я никого здесь насильно не держу.

С этими словами он резко развернулся и тяжелыми, гулкими шагами направился к замку. Проходя мимо меня, бросил, даже не повернув головы:

— Со мной. Сейчас же.

В кабинете маска окончательно упала. Едва дверь захлопнулась, он взорвался. Рычал, низко и бешено, расхаживая по комнате, как огромный дракон, которого поймали в сеть.

“Он и есть дракон!” — отозвался где-то в голове внутренний голос, вытаскивая из моей памяти вчерашние вертикальные зрачки и из памяти Галии мысли о том, что не должен дракон жить с человеческой женщиной.

Эти мысли оказались настолько неожиданными, что я даже на мгновение зависла, пытаюсь уложить их у себя в голове. От чего и пропустила начало гневной тирады.

— ...ни одна! Ты слышишь?! Ни одна, черт возьми! — его кулак обрушился на стол, заставив подпрыгнуть тяжелые чернильницы. — Истерика! Брезгливость! Нытье! Ни тени

достоинства, ни грамма терпения! Что это за поколение?! Чем думали их отцы, отправляя сюда этих пустоголовых, изнеженных кукол?!

Я наблюдала за этим извержением, прислонившись к косяку, и чувствовала, как во мне поднимается волна горького, едкого торжества.

— Интересный вопрос, — сказала я спокойно, перекрывая его яростное бормотание. — А ты-то сам чем думал, отбирая именно этих кукол? Судя по всему, ровно тем же, чем когда на мне женился. То есть примерно ничем!

Он замер на месте, будто наткнулся на невидимую стену. Медленно, с трудом повернул ко мне голову. В его глазах бушевала уже не просто ярость — там кипела буря из гнева, стыда и ослепляющего прозрения.

— Когда я женился на тебе, я выполнял долг перед твоим отцом! — рявкнул он, но в этом реве слышалась надтреснутая, отчаянная нота.

— Долг — плохой советчик в выборе жены, — парировала я, не моргнув глазом. — Договорной брак — это лотерея, где выигрыш случается реже, чем удар молнии в ясный день.

— Иногда бывают ситуации, когда ты не можешь позволить себе выбирать, — он снова заходил, возмущенно проводя рукой по лицу. — Но сейчас-то я могу! А выбирать не из чего! Совершенно не из чего! Одни пустышки!

Тишина в комнате стала густой, почти осязаемой. Я оттолкнулась от стены и сделала пару шагов к нему, глядя прямо в его злые, по-звериному усталые глаза.

— Подожди, — тихо, но четко перебила я его. — Прежде чем искать, нужно знать, что ищешь. Ответь мне честно, Рикард... А ты сам-то понимаешь, какая жена тебе на самом деле нужна?

Глава 9.

Рикард

Вопрос Галии повис в воздухе кабинета, словно отравленный клинок, замерший в сантиметре от горла.

“Какая жена тебе на самом деле нужна?”

Ярость, которая еще секунду назад кипела во мне бешеным ключом, схлынула, оставив после себя ледяную, звенящую пустоту.

Я смотрел на эту женщину — на свою жену — и не видел в ее глазах ни привычного страха, ни покорности. Видел только вызов и какое-то едкое, всеобъемлющее любопытство. Как будто она проводит над нами всеми жестокий, но справедливый эксперимент.

— Оставь меня, — выдохнул я, наконец, и голос прозвучал хрипло, чуждо даже для моих собственных ушей. — Мне нужно... обдумать дальнейшие шаги.

Она не стала упрашивать или спорить. Просто кивнула, развернулась и вышла, закрыв дверь с почти неслышным щелчком. И этот щелчок отозвался во мне унизительно громким эхом. Я остался один в тишине, которая внезапно стала невыносимой.

“Что с ней произошло?” — в очередной раз задался я этим вопросом, который грыз меня уже несколько дней, с той самой минуты, как она огрызнулась мне тогда в спальне.

Это была не та Галия, которую я знал. Совсем не та. Та была тенью, призраком, который боялся собственного дыхания.

Эта... Эта была штормом, облаченным в женские одежды. Она действовала четко, уверенно. В ней не было и капли прежнего занудства, которое меня так раздражало.

Сейчас меня раздражало другое — она тыкала меня носом в мои же ошибки и, казалось, даже получала от этого удовольствие.

Я подошел к окну, упираясь ладонями в холодный камень подоконника, и попытался вспомнить ту Галию, на которой женился.

Годы совместной жизни превратились в серую, безликую полосу. Она всегда была где-то на периферии: тихий шорох платья в коридоре, опущенный взгляд за обеденным столом, холодное место в постели. Я пытался говорить с ней в первые годы.

Пытался ли? Да. Говорил о долге, об ответственности, о том, какой должна быть хозяйка Хельгарда. Она в ответ молчала и ее молчание со временем стало раздражать больше любой дерзости.

И тогда я перестал пытаться. Считал ее безнадежной, слабой, недостойной. Удобной, в своей невыносимой тишине.

А теперь эта новая Галия взяла и вывернула наизнанку весь мой четкий и рациональный мир. Словно сорвала со всех этих нарядных, чванливых девиц и с меня самого какие-то картонные маски. И показала, что под ними — гниль и пустота.

“Судя по всему, ровно тем же, чем когда на мне женился. То есть примерно ничем!” — ее слова жгли, как раскаленное железо, потому что они были правдой.

Я не выбирал этих девчонок. Ко мне пришли их отцы, дяди, опекуны — с предложениями, напоминающими торг на рынке: “возьми мою дочь, укрепи наш союз”.

Я смотрел на генеалогические древа, на размеры приданого, на стратегическую выгоду. И выбрал самых “перспективных”. Не видел лиц. Не слышал голосов. Не думал о том, что одна из них будет рядом, когда я буду вести переговоры о жизни и смерти моего народа.

Мысли о народе в очередной раз бросили меня в холодный пот. Острое и ясное понимание скорого конца, наконец, прорезали туман ярости и самобичевания.

“Соберись, Рикард! — мысленно выругался я. — Переговоры с Вальдхеймом через несколько дней. А ты что? Вместо того чтобы готовиться, устроил смотрины, которые превратились в похабный фарс благодаря твоей же жене. И теперь у тебя нет ни одной кандидатки, которую ты мог бы без стыда поставить рядом с собой перед лицом короля”.

Ингигерд, которая отправит пьяного посла в амбар? Эльфрида, которая упадет в обморок при первом же намеке на напряженность? Мадлен, которая устроит истерику из-за испачканного платья? Это не жены. Это катастрофы в туфлях.

Они сорвут все. Не из злого умысла, а просто потому, что не способны ни на что, кроме того, чему их научили: выглядеть красиво и ловить выгодную партию.

У них нет стержня, нет ума. Нет той внутренней силы, которая позволяет выстоять под давлением и не дать себя сломать.

“Какая жена мне нужна? — повторил я про себя, заданный Галией вопрос. — После сегодняшнего дня ответ казался очевидным. Мне нужна та, у которой этот стержень есть”.

Мой взгляд, сам того не желая, потянулся к двери, за которой исчезла Галия. Она выстояла. Пусть и в своей тихой, жалкой манере — но пять лет жизни под моим вечным недовольным взглядом, это не каждая выдержит.

А теперь она контратакует. С холодным, почти звериным чутьем, остроумием и поразительной изобретательностью.

Мысли мои поползли к краю пропасти, в которую я отказывался смотреть. А если эта перемена не притворство? Если это и есть ее настоящая суть, которую все эти годы давили страх и долг? Суть, которую высвободило мое же глупое, опрометчивое слово “развод”?

Я с силой тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Безумие. Даже думать об этом — безумие. Она меня ненавидит. Вчерашняя сцена во дворе, сегодняшний сарказм — это месть обиженной женщины, не более. И использовать эту ярость, этот бунт в своих целях... это опасно. Как играть с необъезженным грифоном.

Но времени не было. Совсем не было. Я вышел из кабинета и отправился бродить по замку, будто пытаюсь найти ответ в холодных стенах. И повсюду — в коридорах, на кухне, в дальних кладовых — я наткался на следы ее деятельности.

Она сновала туда-сюда, отдавая тихие приказания служанкам, что-то обсуждая с конюхом, пробуя на вкус блюда у Марты на кухне. Все вокруг нее двигались, суеились, готовили третий этап.

Я ловил на себе ее взгляды — быстрые, оценивающие, лишённые всякого подобострастия. Она не спрашивала разрешения. Она действовала. Как полноправная хозяйка. И самое чудовищное — все вокруг подчинялось этой ее новой воле с пугающей готовностью.

К вечеру я снова вызвал ее в кабинет. Она вошла, чуть запыхавшись, на щеках играл румянец, а в глазах горел тот самый опасный, живой огонь.

— Ну? — спросил я, без каких-либо предисловий. — Что за зрелище ты приготовила на завтра? Будем травить их пауками или заставим изображать из себя канатоходцев

— Ничего настолько зрелищного, — коротко и беззвучно усмехнулась она. — Завтра мы проверим умение слушать и слышать. А заодно — способность не терять голову, когда все идет не по плану.

— И как ты это проверять собралась? — я не мог скрыть раздражения. Вся эта кутерьма начинала действовать на нервы.

— Это сюрприз, — парировала она с вызовом в голосе. — Твоя задача — наблюдать. И помнить вопрос, который я тебе задала. Найдешь ответ — сообщи. Это сильно упростит нам обоим жизнь.

Она вновь ушла, оставив меня наедине с растущим чувством беспокойства.

Я, правитель Хельгарда, дракон, в чьей власти жизни сотен людей, сидел и ждал, какую ловушку для глупых девиц приготовит моя жена, которую я сам же сослал в каморку для прислуги.

Ночь я провел без сна, ворочаясь на широком, пустом ложе. Мысли крутились по одному и тому же замкнутому кругу: провал переговоров, голодные зимы, ослабевший народ, завистливые соседи... и ни одной достойной женщины рядом, которая могла бы стать опорой, а не обузой.

Образ Галии — новой Галии — назойливо всплывал перед глазами. Ее спокойная ярость, ее острый ум, ее умение организовать всех вокруг себя за считанные минуты...

Это были качества лидера. Качества, которых так не хватало этим куклам. Качества, которых, как я теперь с ужасом понимал, не хватало и прежней Галии, потому что я сам их в ней задавил.

На рассвете, когда первые лучи солнца лишь тронули вершины дальних гор, в дверь кабинета постучали. Не ее легкий, уверенный стук, а тяжелый, торопливый удар кулаком стражника.

— Входи! — рявкнул я, сжимая переносицу пальцами. Голова раскалывалась.

Стражник, бледный, с широко раскрытыми глазами, ввалился внутрь и, едва переводя дыхание, выпалил:

— Господин! Гонцы с южной заставы! Они... они уже здесь!

— Кто здесь? — я медленно поднялся из-за стола, холодная тяжесть опустилась в желудок.

— Послы из Вальдхейма, господин! — стражник почти кричал от напряжения. — Флаг короля виднеется в полутора верстах от ворот! Они прибыли на неделю раньше срока!

В комнате воцарилась гробовая тишина. Звон в ушах заглушил все. Раньше срока. Без предупреждения. Тактический ход, чтобы застать врасплох, оценить слабости.

И они застали меня в самом пике беспомощности — без выбранной жены, с толпой истеричных невест в покоях и с единственной женщиной, хоть сколько-то способной помочь, официально сосланной в нижние покои за “несоответствие”.

Я обернулся к окну. Туман над холмами рассеялся. На дороге, ведущей к Хельгарду, ясным утром был отчетливо виден длинный шлейф пыли от многочисленного конного отряда.

И на самом острие этого отряда, сверкая на солнце, развевалось знамя с черным шипастым венком — личный герб Герарда Блекторна, короля Вальдхейма.

Он приехал сам.

Глава 10.

Галия

Разбудил меня тяжелый, настойчивый стук в дверь, от которого задрожали деревянные стенки моей каморки. Прежде чем я успела спросонья что-то сказать, дверь распахнулась, и на пороге возник запыхавшийся стражник с, побелевшим от тревоги, лицом.

— Эм-м, — замялся он. — Госпожа, королевская делегация из Вальдхейма уже у ворот! Они прибыли на целую неделю раньше! Хозяин велел послать за вами.

Сон мгновенно испарился. Мой мозг, отточенный годами советской жизни и недавними здешними перипетиями, с холодной ясностью оценил ситуацию.

Тактический ход — застать врасплох, увидеть истинное положение дел до того, как его приукрасят для официального приема. Остроумно и по-королевски хитро.

— Поняла, — откликнулась я, уже сбрасывая с себя одеяло.

Я стремительно вышла в коридор, поправляя на ходу скромное платье служанки. Мысли работали быстро, выстраивая план действий: прежде всего нужно накормить уставших с дороги гостей, затем обеспечить им достойное размещение, и только потом думать о впечатлении, которое мы должны произвести.

Кухня встретила меня предрассветной суетой. Марта, уже хлопотавшая у печи, обернулась на мой стремительный вход и на ее обычно добром лице я увидела неподдельную панику.

— Ты уже знаешь? — начала она, но я тут же перебила, не тратя времени на лишние слова.

— Знаю, Марта, — твердым голосом ответила я. — Сейчас не время для волнений, время — действовать. Нам нужно накормить голодных и уставших людей. Много простой, сытной и горячей еды.

Я быстро продиктовала список: большие порции густой овсяной каши на молоке, все имеющиеся фрукты, поджаренные тосты, свежее масло, нарезанное вяленое мясо, варенье.

И обязательно — огромный чан крепкого, бодрящего кофе. Накрыть нужно в главном зале, чтобы всем хватило места и не было тесноты.

Марта слушала, кивая, но в ее глазах читалось настоящее отчаяние.

— Сегодня-то я справлюсь, родная, — запричитала она, заламывая в тревоге руки. — Но чем завтра удивлять короля будем? А послезавтра? Запасы-то на исходе, а пополнить их негде!

— Как негде? — не поняла я. — В окрестных деревнях купить. Или обменять.

В ответ Марта посмотрела на меня с такой глубокой, безнадежной грустью, что у меня внутри все похолодело. .

— Деревни сами голодают, дитя мое, — медленно и сокрушенно покачала головой она. — Потому наш хозяин и затеял все эти переговоры. Земля Хельгарда увядает. Уже пятый год урожаи скудные, а скотдохнет.

По спине пробежала ледяная волна. Вот она, подлинная причина всей этой суеты, этих смотрин, этой подавленной ярости Рикарда.

Не мужская прихоть, а отчаяние правителя, на чьих плечах — голод целой земли. А я тем временем забавлялась с колокольчиками и перемазанной в масле прислугой.

“Но, он сам виноват, — возмущенно подумала я про себя. — Мог бы и рассказать, вообще-то!”

— Сегодня накрывай, как договаривались, Марта, — сказала я уже без тени сарказма, максимально твердо. — А до завтра я что-нибудь обязательно придумаю. Обещаю.

Она посмотрела на меня с немим вопросом и сомнением, но все же кивнула — приказ есть приказ. И тут же, взявшись за дело, закричала на подмастерьев, разгоняя их по кухне.

Я же выскочила из кухни и помчалась по коридорам. Следующая задача — размещение. Первой же встречной служанке я отдала четкие указания: подготовить лучшие покои, свежее белье, горячую воду для “помыться с дороги” и обязательно заранее растопить камины.

Девушка замялась, нерешительно косясь на меня.

— Но, госпожа... лучшие покои уже заняты. Теми барышнями, что на смотрины приехали.

“Твою ж...” — выругалась я про себя.

Не теряя ни секунды, я развернулась и почти бегом направилась в кабинет Рикарда. Ворвалась туда без стука. Он стоял у большого окна, спиной ко мне, и его могучая фигура была напряжена, как струна.

— Невест нужно немедленно переселить в восточное крыло, — выпалила я, не давая ему опомниться. — И настрого запретить им оттуда выходить без сопровождения. Короля и всю его свиту размещаем в западных покоях. Пусть спят подольше и любят на закаты — меньше будут слоняться по замку и разглядывать наши недостатки.

Он медленно повернулся. На его лице застыла все та же выжженная усталость, но в глубине золотистых глаз вспыхнула знакомая искра.

— Что, уже берешь командование на себя?

— Кто-то же должен, раз уж официальный главнокомандующий парализован, — не удержалась я от колкости, скрешивая руки на груди. — И, кстати, почему я, как последняя дура, только что от Марты узнала, что Хельгард беднеет, а народ голодает? Это, по-моему, довольно важное обстоятельство, о котором следовало бы упомянуть!

Он сжал кулаки и по его скулам пробежала резкая тень.

— Ты издеваешься надо мной, Галия? — прорычал Рикард. — Весь последний год я только об этом и говорю! Перепробовал уже все доступные способы, чтобы найти причину упадка и исправить положение, но все бесполезно. Эти переговоры — наш последний шанс. Наши магические кристаллы в обмен на их продовольствие. Иначе предстоящая зима станет для многих последней.

В его голосе звучала не привычная ярость, а сдавленная, хриплая горечь человека, загнанного в угол обстоятельствами.

— Ты же понимаешь, что по сути это кабала? — тихо спросила я. — Отдать свое главное богатство в обмен на миску похлебки?

— Я ВСЕ ПРЕКРАСНО ПОНИМАЮ! — прогремел он и стены кабинета содрогнулись. — Если бы у меня был другой путь, я бы по нему пошел, не раздумывая! Но пока его нет — я буду договариваться. А твоя задача, раз уж ты предложила мне свою помощь — подготовить мне в жены хоть кого-нибудь из этих... — он запнулся, не находя подходящего слова и досадно махнул рукой. — А пока что скажем, что хозяйке нездоровится и она не может присутствовать.

Я молча кивнула. Спорить сейчас было бессмысленно, а время утекало с каждой секундой. Прежде чем заняться невестами, я снова заглянула на кухню проверить подготовку — каша на столе аппетитно дымилась, а воздух был наполнен божественным ароматом.

— Марта, она божественна, — искренне похвалила я кухарку, отчего в ее глазах загорелся слабый огонек радости.

Сама же я отправилась выполнять неприятную часть поручения — на восток, в логово раздраженных претендентов.

Процесс переселения напоминал плохо организованный штурм. Возмущенные возгласы, негодующие взгляды, ядовитые комментарии — я парировала все это железной, саркастично-учливой вежливостью, не оставляя пространства для открытого бунта.

Среди невест я выделила ту самую статную брюнетку с волосами цвета воронова крыла, с которой Рикард беседовал в первый день смотрин. Ее звали Аэлин.

Из всех, она выглядела самой более-менее спокойной и стойко принимала все тяготы переезда.

— Милая Аэлин, — завела я с ней разговор, помогая сложить одно из ее многочисленных платьев, — Расскажи, пожалуйста, о своих землях. Чем славится ваш край?

Она, польщенная вниманием “бывшей хозяйки”, или просто решившая, что после истории с Лиот со мной лучше дружить, разговорилась. Я слушала вполуха, выуживая полезные детали о ее роде, связях и истинных амбициях.

Позже, поймав одну из старших служанок, я выяснила, что король прибыл с супругой и двумя высокопоставленными семейными парами. Остальная делегация состояла из нескольких мелких чиновников, подручных и слуг.

Весь день пролетел в лихорадочной суете, которую я всеми возможными способами пыталась организовать. К вечеру, когда делегация была накормлена, размещена, а замок погрузился в напряженное, выжидательное затишье, меня снова вызвали к Рикарду.

Его кабинет был погружен в полумрак, пахло дымом от камина и чем-то тяжелым, похожим на решимость. Он сидел за массивным столом, перед ним лежала аккуратная стопка пергаментов.

— Спасибо, — произнес он без каких-либо предисловий низким, усталым, но невероятно твердым голосом. — Ты все организовала безупречно. Я это ценю. Супруга короля и ее фрейлины остались в восторге от поданной еды.

Я собралась было сообщить о том, что Аэлин больше других подходит, чтобы завтра представить ее королю, но он резко поднял руку, останавливая меня.

— Галия, выслушай меня, пожалуйста, — внимательно глядя на меня усталым, но решительным взглядом, сказал Рикард. — У меня для тебя есть деловое предложение. Взаимовыгодная сделка.

Он отодвинул от себя один из документов.

— Это подписанный мной договор о расторжении нашего брака. Я передаю тебе в полное и единоличное владение поместье твоего отца. Там спокойно, далеко от всех этих интриг. А ты... — он пристально посмотрел на меня и в его золотистых глазах вспыхнул холодный, расчетливый огонь, — ты взамен играешь перед королем роль моей жены. Не той тени, которая была до позавчерашнего дня, а идеальной, образцовой хозяйки Хельгарда. Делаешь все от тебя зависящее, чтобы переговоры прошли успешно. Как только мы заключим договор и король покинет наши земли, ты получишь долгожданную свободу. Без обид, без взаимных претензий. Чистый, честный расчет.

Воздух в комнате стал густым и тягучим. Я медленно подошла к столу, скользнула взглядом по ровным строчкам на пергаменте. Поместье. Настоящая, безоговорочная свобода. Цена — еще одна роль, еще одна большая ложь.

— В чем подвох? — на всякий случай решила уточнить я.

— Никакого подвоха, — отрицательно покачал головой Рикард. — Я уже понял, что противен тебе и держать тебя рядом с собой насильно, как какой-нибудь монстр, не хочу. Но мне нужна твоя помощь.

— Мне нужно время, чтобы все обдумать, — сказала я на удивление спокойно, беря в руки хрустящий лист. — И внимательно изучить условия. Я дам тебе ответ завтра утром.

Глава 11.

Утро я встретила с чувством, знакомым мне еще по совещаниям в парткоме — холодной, расчетливой решимостью, приправленной щепоткой цинизма. Ну что ж, Галочка, пора заключать сделку с дьяволом. В прямом смысле.

Критичным взглядом осмотрев гардероб, который достался мне в наследство от Галии, и с грустью припомнив свой, так и не купленный, красный купальник, я надела наименее унылое, темно-синее платье, без лишних рюшей, и отправилась в кабинет, мысленно репетируя условия.

Свобода в обмен на помощь в подписании договора. Честно говоря, после всех событий обеих жизней, идея устроить спектакль перед суровым средневековым королем — казалась сущим пустяком.

Рикард уже ждал меня. Он сидел за своим дубовым столом, сложив перед носом пальцы треугольником. Лицо у него было такое же замкнутое и уставшее, но в глазах не было гнева, а какое-то странное, почти деловое ожидание.

— Ну что, приняла решение? — спросил он без предисловий, когда я вышла в кабинет.

— Приняла, — кивнула я, подходя к столу. — Условия ясны. Я играю роль образцовой жены, ты получаешь свой договор с королем, а я — поместье отца и свободу. Никаких скрытых пунктов, никаких “я тут подумал...” потом.

— Никаких, — подтвердил он, протягивая мне перо. — Чистая сделка.

Я взяла перо. Оно оказалось неожиданно тяжелым, будто было сделано из железа.

Подписала свое новое-старое имя — Галия Грейстен — с таким размахом, будто ставила подпись под актом о капитуляции Германии. Рикард сделал то же самое, его буквы вышли угловатыми и властными.

И в тот момент от пергамента вдруг рванула яркая, золотистая вспышка. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, на столе лежал абсолютно чистый, чуть пожелтевший лист. Ни строчки. Ни буквы. Даже кляксы не осталось.

Мы оба замерли. Я изумленно посмотрела на пустой пергамент, а потом на Рикарда. Он тоже смотрел на лист, а затем его взгляд медленно пополз ко мне.

В его золотистых, сегодня особенно “человеческих” глазах не было ни злости, ни удивления. Была тяжелая, неподвижная задумчивость. Будто он только что получил ответ на вопрос, который даже не успел задать.

— Что это было? — наконец, выдохнула я.

— Магия, — глухо ответил он, отодвигая чистый лист. — Таким образом любые магические документы защищены от подделки.

Мне показалось, что я услышала в его голосе нотки обмана, но времени разбираться не было. В дверь уже стучались, сообщая, что король и его свита ожидают в главном зале.

— Ладно, — вздохнула я, отряхивая несуществующую пыль с платья. — Спектакль начинается. Веди меня к своему королю.

Рикард посмотрел на меня нахмурив брови, но подставил локоть и повел в главный зал. Весь последующий день я ощущала себя главной героиней абсурдного, но очень важного спектакля под названием “Идеальная чета Грейстенов”.

Король Герард Блекторн оказался абсолютно не таким, как я его себе представляла. Высокий, зеленоглазый брюнет с длинными, ухоженными волосами, которым могли позавидовать многие девушки. Он не был похож на сурового правителя, хоть его черты лица и выдавали в нем силу и характер.

Рядом с ним стояла его супруга Паулина (благо в обрывочной памяти Галии имелась подобная информация), миловидная шатенка с умными карими глазами, которые внимательно, но без тени надменности скользили по залу, считывая обстановку как опытный разведчик.

— Просим прощения, что заставили вас ждать! — слегка склонив голову, начал беседу Рикард.

— Ваше Величество, — обратилась я к королю чуть болезненным голосом (надо же было поддерживать легенду о том, что мне буквально еще вчера нездоровилось). — Это все моя вина. Я медленно собиралась из-за самочувствия.

— Ничего страшного, — мягко отозвалась королева. — Мы сами спустились пару минут назад.

— Да, — включилась в разговор эффектная голубоглазая блондинка, стоявшая рядом со статным брюнетом в черном камзоле. — У вас здесь такой чистый воздух, что спали мы как младенцы.

— И еще бы спали, — беззлобно фыркнула девушка с ярко-рыжими волосами, толкая локтем в бок своего спутника, высокого блондина со шрамом, проходящим через левый глаз, но абсолютно его не портящим внешне. — Если бы кто-то не захотел есть.

— Ну, я же не виноват, что вчера нас накормили божественной кашей, — включился в разговор тот самый блондин. — И сегодня мой желудок рассчитывал на повторение.

Мы все дружно рассмеялись и я сказала:

— Рик, милый, тогда чего мы тут стоим? — изобразила неподдельное недовольство я. — Скорее веди гостей завтракать. Марта уже все накрыла.

Я очень надеялась, что им понравится наша каша и тогда не придется выдумывать никаких новых изысков. Хвала всем богам, что мои надежды оправдались, потому что времени придумывать, где брать продукты для королевского стола — у меня не было.

Рикард в этот день был... невыносимо идеален. Он галантно подавал мне руку, поправлял на моем плече несуществующую соринку, внимательно слушал мои реплики и поддакивал с таким видом, будто мы уже сорок лет прожили в полном согласии.

Временами я ловила себя на том, что сама почти поверила в эту игру — так убедительно он изображал заботливого, немного влюбленного мужа. Если бы не его взгляд, холодный и четкий, как прицел, когда никто не видел.

Я в свою очередь тоже отработывала свою роль на все сто. Создавала атмосферу. Легко и непринужденно болтала о пустяках, ловко переводила острые вопросы в шутку, заражала всех своим — отчасти искренним, отчасти отчаянным — весельем. Не забывая при этом делать слегка болезненное лицо.

Когда король Герард, прищурившись, спросил за обедом:

— И все же, Рикард, что побудило вас, после стольких лет прохлады, вдруг так горячо возжелать мира с Вальдхеймом?

Я мягко вступила, положив руку на рукав “мужа”.

— Ваше величество, такие серьезные темы требуют ясной головы и сосредоточенности, — сказала я, сияя самой обворожительной улыбкой. — Сегодня — день знакомства, добрых слов и хорошего вина. О делах мы обязательно поговорим. Но не сегодня. Сегодня — только радость от встречи.

Король посмотрел на меня с нескрываемым интересом, потом на Рикарда, и рассмеялся.

— Что ж, не стану нарушать волю хозяйки. Вы совершенно правы, леди Галия.

День прошел в смехе, легких беседах и взаимных изучениях под маской радушия. К вечеру я чувствовала себя выжатой, как лимон, но с гордостью констатировала — сценарий был сыгран безупречно.

Уставшие, мы все разошлись по покоям. Рикард проводил меня до дверей нашей общей спальни.

— Мне нужно совершить вечерний обход и принять отчет от начальника стражи, — сказал он тихо, его пальцы слегка коснулись моей руки. — Располагайся. Через час я вернусь.

Он вышел, оставив меня наедине с комнатой, в которой и началась моя вторая жизнь. Но как человек не склонный к сентиментальным страданиям, я решила воспользоваться часом уединения по полной и отправилась принимать ванну.

С наслаждением погрузившись в огромную медную купель, я медленно смывала с себя налипшую за день липкую маску гостеприимства. Горячая вода и пахнущая лавандой пена — вот где была настоящая магия.

Впервые за все время пребывания в этом мире, почувствовав себя настоящей женщиной, я облачилась в абсолютно безвкусную (неудивительно, что Галия была такой угрюмой, я бы в таком белье умерла от уныния) ночную сорочку, которую предварительно нашла в шкафу, и подошла к кровати.

И тут нога во что-то уперлась. Что-то твердое, задвинутое глубоко под резное ложе. Сердце почему-то екнуло.

Я наклонилась, нащупала в пыльной темноте угловатый предмет и вытащила на свет. Это была небольшая деревянная шкатулка, потертая, без украшений, со сломанным замком.

Внутри лежала тонкая книжечка в кожаном переплете.

“Дневник Галии”, — подсказал внутренний голос и почему-то на душе стало очень тревожно.

Рука сама потянулась к нему. Я села на край кровати, открыла там, где торчала шелковая закладка — выцветшая ленточка. Последняя запись была неровной, торопливой, буквы расплзались, будто их писали дрожащей рукой.

“Если он узнает, он убьет меня!”

Больше ничего. Только эта одна фраза, впившаяся в бумагу, как крик в ночи.

“Я так и знала, что тут что-то нечисто!” — выругалась я про себя.

Кровь застучала в висках. Узнает о чем? О чем молчала, чего боялась настоящая Галия? Что за тайна была так страшна, что грозила смертью?

Я уже хотела было открыть дневник с первой страницы и начать читать, чтобы найти ответы на свои вопросы, как в этот самый момент, тихо щелкнул засов.

Дверь медленно открылась, а на пороге, заслоня собой свет из коридора, стоял Рикард.

И возможно, я бы даже успела спрятать свою находку, но в этот момент меня накрыло удушливой волной воспоминаний прежней Галии, голову разорвало от боли и я вскрикнув, рухнула в обморок.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.